

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСОВ

Юрий ЛЕВАДА

"Человек ностальгический": реалии и проблемы

Многочисленные исследования и наблюдения обнаруживают устойчивое преобладание позитивных оценок, стереотипов восприятия, установок, обращенных к прошедшим периодам отечественной истории, преимущественно к самому длительному в XX в. "периоду застоя". Судя по опросам, политическая и экономическая системы, лидеры, отношения между людьми, вся обстановка 70–80-х годов чаще всего представляется более предпочтительной по сравнению с нынешней. Создается и активно поддерживается значительной частью политической и журналистской элиты представление о доминировании ностальгических ориентации в современном российском обществе. Отсюда нередко делаются выводы о неудаче или даже о принципиальной невозможности реформирования общества, неприемлемости чуждых моделей жизни для людей советско-российского формирования, неизбежности возврата к привычным образцам или хотя бы символам и т.д. Опросные данные подтверждают, что общественное мнение довольно охотно принимает подобные трактовки.

Проблема "человека ностальгического" (а в известном смысле и "общества ностальгического") несомненно существует, но столь же несомненно, что она не поддается раскрытию с помощью примитивных "ключиков". Нетрудно привести солидный ряд фактов, данных исследований, показывающих, что, сколько бы люди ни сожалели о некоем прошлом, они живут сегодняшними интересами и надеждами. Самая острая тоска по пройденному далеко не всегда равнозначна стремлению туда вернуться. Общественная полемика вокруг образцов и установок, коренящихся в историческом прошлом, служит, скорее всего, средством самоопределения, самооправдания, размежевания и т.д. современных общественных сил. Это значит, что нуждаются в обстоятельном анализе характер, источники и механизмы влияния "ностальгических" образцов на различные сферы жизни общества и человека.

Существует стандартный набор простых объяснений наблюдаемых феноменов социальной ностальгии: надежды не оправдались, жизнь большинства людей стала просто хуже, политические лидеры первых лет перемен не выполнили своих обещаний, старый порядок сменился хаосом, "Запад" не только не оказал действенной помощи, но использует в своих интересах слабость России и т.д.

Между тем в массовых настроениях, как мы знаем их по регулярным опросам, выражения тоски по лучшему прошлому постоянно сочетаются с обычными практическими интересами сегодняшнего дня: большинство опрошенных постоянно выражают желание не просто "выживать", но жить "не хуже", а то и "лучше" окружающих, кое-кто примеряется и к западным стандартам жизни. Давно установлено, что оценки населением "общей" ситуации (положения в стране) всегда выглядят хуже оценок собственного положения. (Строго говоря, здесь прямые сравнения неадекватны, потому что сами ряды оценок "общей" и "своей" ситуации исходят из разного опыта и исполняют различные функции в системе координат человеческой деятельности.) В то же время социальная ностальгия нередко наблюдается и у людей, преуспевающих в собственных делах. Индивидуальные ретроспективы (и перспективы тоже) строятся и оце-

ниваются принципиально иначе, чем социальные, политические и пр.

Очевидно, что из любого трудного положения в принципе возможны разные "выходы". Если "сегодня" что-то плохо, можно либо вспоминать о том, что "вчера" было лучше, либо надеяться на то, что лучше будет "завтра". По опросным данным, в самой трудной, переломной ситуации 1992 г. в общественных настроениях преобладали не тоска по "вчера", а как раз надежды на "завтра"; отчетливо положение не казалось безнадежным. Вопрос, что произошло позже с массовыми и элитарными ожиданиями, требует, видимо, специального изучения. Можно сослаться на устойчивость, на какие-то "естественные" пределы массовой выдержки, на обманутые надежды, на разочарование в лидерах, на возрождение в различных формах организованной оппозиции, способной придать оформленное выражение настроениям разочарования и недовольства. Так или иначе, где-то на рубеже 1993–1994 гг. явно изменился характер ожиданий, притом связанных с надеждами социального порядка (на власть, на лидеров). Другое дело, насколько изменилась природа таких ожиданий, т.е., например, насколько важным остался в них "сказочный" компонент (ожидание "чуда").

Если для преобладающей части опрошенных средоточием ностальгических соблазнов обычно является "застой" (именно этому периоду приписывается максимальная — по меркам ушедшего века — стабильность, уверенность в завтрашнем дне и пр.), то для некоторых групп соблазнительными служат иные исторические образцы — от монархических, до сталинских. Можно встретить и людей, восторженно вспоминающих первые годы перестройки и гласности или даже завидующих соседним странам, где на поверхности общественной жизни как будто заметно открытое противостояние, демонстративная (не всегда, впрочем, серьезная по классическим меркам) политическая борьба.

Все это наводит на мысль, что доминирующую социальную ностальгию нельзя "вывести" из какой-то суммы или индекса индивидуальных настроений (например, отслеживаемых в рамках Индекса социальных настроений ВЦИОМ). В поисках истоков интересующего нас феномена приходится обратиться к анализу природы и способов действия того ностальгического арсенала (набора рамок и категорий), который влияет на массовое сознание.

Эмпирические параметры проблемы. Обратимся к показателям ряда исследований, которые позволяют представить характер и масштабы влияния современных ностальгических настроений (табл. 1).

Сопоставим более подробные (по возрастным и образовательно-группам данные 1996 и 2000 гг. (табл. 2).

Таким образом, во всех без исключения наблюдаемых группах произошел явный сдвиг симпатий к ситуации "до 1985 г.", причем наиболее заметно уменьшилась доля "несогласных", т.е. заметно ослабло сопротивление ностальгическим настроениям.

Рассмотрим теперь данные об отношении к конкурирующим экономическим системам (табл. 3).

Только в "самом переходном" 1992 г. сторонники рынка (или надежды на рыночную систему) численно преобладали. Кстати, сопоставив эти данные с приведенными ранее (см. табл. 1), нетрудно заметить, что и в том году чаще звучали суждения, что лучше ничего не менять в ситуации "до 1985 г."...

Таблица 1

Согласны ли Вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 г.?
(в % от общего числа опрошенных в каждом замере, данные о затруднившихся с ответом не приводятся)

Дата опроса	Согласен*	Не согласен**
1992 г., апрель	45	39
1993 г. (омн-1)	46	30
1994 г., апрель	54	29
1995 г., сентябрь	45	30
1996 г., август	51	41
1997 г., март	52	41
1998 г., февраль	51	39
1999 г., январь	51	27
2000 г., апрель	49	41
2001 г., март	54	39

* В опросах 1996-2001 гг. — сумма ответов "вполне согласен" и "в основном согласен".

** В опросах 1996-2001 гг. — сумма ответов "совершенно не согласен" и "в основном не согласен".

Таблица 2

Согласны ли Вы, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 г.?
(в % от общего числа опрошенных в каждой группе, данные о затруднившихся с ответом не приводятся)

Группа	Согласен	Не согласен
Всего		
1996 г.	50	42
2001 г.	53	40
Возраст:		
18-29 лет		
1996 г.	28	61
2001 г.	28	55
30-39 лет		
1996 г.	40	52
2001 г.	51	43
40-49 лет		
1996 г.	48	42
2001 г.	51	42
50-59 лет		
1996 г.	63	33
2001 г.	60	34
60-69 лет		
1996 г.	73	21
2001 г.	77	20
70 лет и старше		
1996 г.	83	11
2001 г.	69	27
Образование:		
высшее		
1996 г.	29	64
2001 г.	35	61
среднее		
1996 г.	42	49
2001 г.	44	46
ниже среднего		
1996 г.	70	23
2001 г.	72	22

Таблица 3

Какая экономическая система лучше для России?
(в % от общего числа опрошенных в каждом замере, данные о затруднившихся с ответом не приводятся)

Дата опроса	Государственное планирование	"Рынок"
1992 г., февраль	28	51
1992 г., март	32	42
1992 г., декабрь	30	42
1994 г., февраль	39	32
1995 г., май	39	22
1996 г., март	42	34
1997 г., май	43	40
1998 г., сентябрь	50	34
1999 г., май	48	34
2000 г., апрель	52	33
2002 г., май	56	30

Ностальгические стереотипы исторической памяти.

Примерно с начала XIX в., собственно, с момента зарождения в России общественного сознания (непридворного и нецерковного), его доминантой становится романтическая концепция "счастливого прошлого". Формальные истоки этого феномена — идеологическое влияние немецкого романтизма и французских течений периода Реставрации. Реальные же кроются в начальных и непреходящих особенностях российской модернизации, которая сталкивается с сильнейшим внутренним сопротивлением (под лозунгами "остаться собой", "сделать по-своему", "вопреки" и т.п.); это касается не только прямых консерваторов, но почти всех отечественных прогрессистов — от ранних славянофилов и первых народников до большевиков и их державно-реформаторских преемников.

Если оставить в стороне "внешние" аспекты доминирующего стереотипа (Россия—Запад), то его структура сводится к представлению о сверхзначимом прошлом ("до" некоего критического рубежа: до самодержавия, до завоевания, до крепостничества, до модернизации и т.д.), ничтожном, извращенном "преходящем" настоящим — и надежде на возвращение к некоему чистому образцу.

Примечательная особенность самого механизма ретроспективных установок общественного сознания: их предметом служили не "вчерашние" (т.е. "непосредственно" прошлые) состояния, ценности, герои и пр., а соответствующие атрибуты "позавчерашнего" происхождения. Объяснение этого явления довольно очевидно: наша история практически не обнаруживает периодов "плавного" развития, каждая новая фаза которого вызревала бы в предшествующей и продолжала таковую. Характерный рисунок ("дизайн"?) знакомого нам движения исторического времени — всякий новый этап и режим демонстративно отвергает, клеймит, обличает своего непосредственного предшественника, ища опоры в предпрошлом периоде, который был столь же демонстративно отвергаем ранее. Происходившие разрывы и отвержения, вне всякого сомнения, демонстративно преувеличивались, для самоутверждения новой правящей верхушки, новой свиты и т.д. Можно обнаружить подобные конфигурации перемен и в монархические, и в советские, и в постсоветские годы (в последние периоды они даже более очевидны). Впрочем, согласно Светонию и другим источникам, каждый римский цезарь начинал историю с себя...

Поминать все гегелевские триады "отрицания отрицания" по этому поводу не следует, хотя бы потому, что в

классической философской конструкции предполагался высший и возвышающий смысл "спирального" движения, которого реальная история не обнаруживает.

Свою лепту в распространение стереотипов ностальгического романтизма внесли утопические социалисты и революционеры, в том числе и марксистские. В XIX — начале XX вв. практически вся социалистическая критика капитализма, рынка, государства, разделения (и "отчуждения") труда, общественного неравенства, несправедливости — как морально-философская, так и экономическая, претендовавшая на научность и радикальность, — фактически ориентировалась на патриархальные или просто архаические (общинные, монастырские и пр.) образцы "домодернизационного" происхождения и по значению своему противостоявшие опасным новшествам. В России подобные образцы уже в том далеком веке принимали, как известно, самые причудливые и экстремистские формы, но они влияли на общественное сознание и в других европейских странах. Никакой российской уникальности в этом смысле не существовало никогда.

Конечно, тогда речь шла почти исключительно о влиянии на *элитарное* сознание, носителями которого выступали разночинцы-интеллектуалы и аналогичные группы. Для массового влияния какой бы то ни было идеологической конструкции, как показал последующий опыт, требовались такие условия, средства и организации, которых в XIX в. не существовало. В XX в., если вести отчет от Первой мировой, они стали доминирующими.

Соблазны державного социализма. Действительное и достаточно сильное влияние на массовые уровни общественного сознания оказали не иллюзии проповедников социалистических утопий, а государственные реальности "социализмов" XX в. — советского со всеми своими продолжениями, в определенной мере — германского национал-социализма, а также серии азиатских, африканских и латиноамериканских режимов с социал-популистскими претензиями. В дальнейшем ограничимся ссылками только на опыт первого из них.

"Реальный социализм", как стали официально именовать этот феномен в последние годы его существования, значительно, принципиально отличался от утопических проектов, а также и от революционных метаний собственной молодости. Ритуальные апелляции к символическим истокам (и классическим авторитетам), занимавшие громадное место в идеологической подсистеме, нужны были для легитимации существующего порядка, а отнюдь не для ностальгических воспоминаний о давних страстях и надеждах. Опорой реального социализма никогда не были высокая производительность, изобилие и свободы, обещанные утопиями, иначе говоря, не иллюзии прошлого, перенесенные в далекое будущее. Строй опирался на прямое принуждение, властную, информационную и экономическую монополию, навязанную изоляцию.

Только разгромленные оппоненты режима пытались — и всегда неудачно — использовать идею "возвращения к истокам". Много позже, когда обнаружили надломы в самой системе властвования, подобные апелляции (вроде лозунга "восстановления ленинских норм" в хрущевские годы, когда эти термины давно утратили даже вторичный, приписанный им смысл) использовались для символического обновления режима. Любая неспособная к саморазвитию система допускает изменение только как "возвращение" к исконному состоянию; близкий к фарсу пример — официальные формулы 1987 г., объявлявшие перестройку "продолжением дела Октября". В данном случае достаточно отметить, что действующей силой в обеих попытках обновить непригодную для этого систему ностальгические призывы играли сугубо символическую

роль, действующей силой было стремление правящей группы как-то осовременить режим.

Нет оснований приписывать сколько-нибудь значимые ностальгические настроения массе советского населения в условиях сформировавшегося режима. Если у значительной части людей старших поколений до 40-х годов и сохранялись живые, собственные воспоминания о досоветском, доколхозном и прочих временах, то они оставались достоянием личной памяти, но никак не ориентиром социальных надежд и действий.

Но точно так же ни в коей мере не были реальными ориентирами социального поведения (ни на каком из его уровней — от официального до массового, независимо от меры идеологической ангажированности) упования на грядущее царство общинно-потребительской утопии, т.е. иллюзии о счастливом прошлом. Обращения к соответствующей терминологии не более как ритуальный жест, которым пользовались при недостатке иных способов самооправдания режима (например, в пустословии партийной программы 1961 г., к которой никто не относился всерьез; когда все указанные сроки достижений были провалены, ни власть, ни население просто не вспомнили об этом...). Апелляции к "послезавтрашнему" времени исполняли ту же функцию, что и апелляции ко времени "позавчерашнему".

Что же касается "официальной", в том числе школьной, газетной и пр., социальной памяти, то она служила таким же объектом манипулирования, как информация о положении страны или о внешнем мире. История всегда оставалась текущей "политикой, опрокинутой в прошлое", сколь ни пытались откеститься авторитеты советского времени от этой чересчур откровенной формулы М.Покровского, она неизменно оставалась руководством к утилитарной переоценке персон, эпох, правителей, мыслителей и т.д.

Реально же общество все свои "зрелые" десятилетия жило только в одном, "сегодняшнем" временном измерении, что свойственно, видимо, любой относительно устойчивой общественной системе. Независимо от того, стремились ли люди, элиты, власти "просто" выживать, сохраняя свое положение, или рассчитывали на какие-то улучшения/облегчения, они ориентировались на действующую систему интересов, возможностей, ограничений, норм и т.д. Прошлое было, как считалось, отринуту навсегда, "иное" будущее исключалось, единственно реальным представлялось продолжение существующей ситуации, т.е. продление "сегодняшнего" состояния. (За пределами нынешнего анализа остается вопрос о надежности оснований такого, в терминах У.Томаса, "определения ситуации".)

Именно ощущение стабильного, длящегося положения, согласно многим опросным данным, составляет для заметной части населения преимущество социалистических порядков перед современными, "переходными". К этому следует добавить другое демонстративное достоинство прошлой системы: ее простота, как бы отшлифованная примитивностью властных, социальных, трудовых, идеологически-ритуальных и прочих отношений. Социальные противоречия, как и конфликты в руководстве, наружу не выступали, а такие "несистемные" феномены, как диссиденты, Афганистан и т.п., довольно успешно вытеснялись на периферию общественного внимания.

Привлекательность государственно-социалистического образа в XX в. — преимущественно для стран и регионов, не прошедших самостоятельной школы исторического воспитания, к которым относилась и Россия, — в значительной степени объясняется предложениями простейшим образом ("отобрать и поделить") решить проблемы бедности, неравенства, отсталости и пр. А для России,

Какая политическая система кажется Вам лучшей?
(в % от общего числа опрошенных в каждом замере,
без затрундившихся с ответом)

Дата опроса	Советская	Нынешняя	Демократия по образцу западных стран
1996 г., февраль	39	8	28
1996 г., апрель	38	11	26
1996 г., июнь	35	19	25
1997 г., февраль	45	10	26
1998 г., декабрь	43	5	32
2000 г., январь	43	13	31
2000 г., апрель	42	11	26

вероятно, и для Китая, еще и возможность выйти на мировую арену с железным (ракетным) кулаком. Всемирные претензии, подкрепленные новой военной силой, при глубочайшей изолированности страны от мирового развития, составляют один из важнейших секретов влияния этого образца в его великодержавных вариантах.

Современному общественному мнению в России стабильным представляется прежде всего стагнирующее состояние скрытого разложения системы, т.е. то, что задним числом окрестили как застой. В этом нельзя усматривать простой парадокс: сегодня массовое сознание под давлением обстоятельств и сравнений фактически воспроизводит самую распространенную 20 лет назад позицию самых серьезных аналитиков и критиков советского режима, как отечественных, так и зарубежных. Хронологически близкий к своему концу этот режим представлялся всем им чуть ли не ультрастабильным.

Между прочим, накануне конкурентных президентских выборов 1996 г., когда существовала теоретическая возможность успеха кандидата от коммунистов, в ряде опросов чаще всего высказывались предположения о том, что победа этих сил вернет страну в период желанного "застоя". Любая ностальгия, тем более социально принятая, имеет дело с идеализированной, так или иначе реконструированной памятью...

По данным одного из последних исследований (октябрь 2002 г.), "если бы можно было начать свою жизнь заново", 39% опрошенных предпочли бы жить в "спокойные брежневские годы", 23% — сейчас, при В.Путине, 17% — в другой стране, Россия до 1917 г. привлекает 5%, а пятилетки, "оттепель" и перестройка — по 3% опрошенных.

Наиболее приемлемым периодом советской истории в общественном мнении оказывается отнюдь не героические или воинственные годы, а те, что представляются наиболее спокойными и относительно уютными. Впрочем, живая память большинства российского населения и не простирается далее "застоя", все предшествующее — это в основном содержание опосредованной памяти, письменной, отфильтрованной. Ностальгические представления о советском прошлом — отнюдь не признак исключительности ментальности советского или русско-советского человека. Многие респонденты во всех без исключения странах бывшего советского блока отмечают примерно такие же достоинства существовавших у них порядков подсоветского типа*.

"Реальный социализм" XX в. не удел фантозеров и фанатиков, а государственная, организованная, бюрократизированная и коррумпированная официальная практика, через множество каналов (социализации и социального контроля) влиявшая на массовую жизнь и массовое сознание, втягивавшая большинство населения в систему властных и клиентских связей, подчинявших его идеологической мишуре и всеобъемлющей коррупции. За рамками повседневности человек вынужден был пользоваться только одним, официально навязанным языком. А он претендовал на универсальное объяснение всего и вся в категориях бесконечно длящейся современности.

Оси дезориентации "переходного" времени. Крушение советской псевдостабильности привело к неизбежному распаду всей системы временной ориентации общества. Главное здесь — принципиальная переоценка значения "настоящего" времени. Современное положение вещей стало "ненастоящим", мимолетным (при всем своем стаже

на сегодняшний день: переживаемый период перемен и поворотов грозит стать куда более длительным, чем "застой"), промежуточным, как бы зажатым между катастрофой вчерашнего и бездной неопределенного, но заведомо "иног" будущего. Все остальные смещения и разрывы в социальном самоопределении и возникающие в связи с этим иллюзии как бы вращаются вокруг этого осевого феномена. Поначалу, в годы золотых снов ранней перестройки, "подвешенное" состояние и впрямь казалось краткосрочным, неважно переходом/взлетом/спуском, теперь оно воспринимается как довольно длительное, но по-прежнему нестабильное, смутное, как бы неуверенное в самом себе.

Показательными можно считать данные о предпочтительности политической системы (табл. 4).

Изменения можно свести к таким основным моментам: 1) симпатии к советскому строю возросли во всех группах, особенно среди самых молодых; 2) симпатии к западной демократии заметнее всего ослабли у молодежи и лиц среднего возраста; 3) предпочтения нынешней системы остались в целом на том же низком уровне, но несколько укрепились у более молодых — очевидное следствие увлечения "молодым" лидером (табл. 5).

Распределение позиций в общественном мнении оказывается относительно стабильным, наблюдаемые колебания почти не выходят за рамки неизбежных ошибок измерения.

Самое примечательное в приведенном ряде показателей — весьма невысокий уровень принятия существующей, "сегодняшней" политической системы как при теряющем поддержку президенте Б.Ельцине, так и в месяцы наиболее восторженных ожиданий от президента В.Путина. (Кратковременный рост оценок нынешнего порядка в момент напряженной политической конфронтации перед выборами 1996 г. — явление ситуативное.)

Представление о временном, преходящем характере действующих социальных институтов и норм, очевидно, распространяется не только на политическую систему, но и на все прочие сферы социальной жизни. (Укоренившиеся в литературе и политическом обиходе термины типа "переходный" применительно к разным аспектам нынешней реальности основательно искажают картину происходящего, придавая видимость солидности малосодержательным определениям; имплицитные аналогии с органическими и др. чертами переходного возраста скорее усугубляют, чем устраняют дезориентацию.)

Не лишено интереса распределение мнений о предпочтениях в отношении политического времени в том же опросе 2000 г. по культурно-ценностным основаниям (табл. 6).

Довольно отчетливо, хотя далеко не просто, прослеживается разделение поклонников кумиров по ориентациям

* См.: Rose R. A Bottom up Evaluation of Enlargement Countries. New Europe Barometer 1. Studies in Public Policy Number 364. Glasgow, 2002. См. также статью Р.Роуза в этом номере "Мониторинга".

Таблица 5
Предпочтительная политическая система в 1996 и 2000 гг.
(в % от общего числа опрошенных в соответствующей группе, без затруднившихся с ответом)

Группа	Советская	Нынешняя	Демократия западного типа
Всего			
1996 г.	36	10	31
2000 г.	42	11	26
Возраст:			
18-24 года			
1996 г.	7	14	61
2000 г.	19	21	48
25-39 лет			
1996 г.	25	13	40
2000 г.	37	16	36
40-54 года			
1996 г.	39	9	28
2000 г.	43	11	29
55 лет и старше			
1996 г.	59	8	13
2000 г.	66	9	15
Образование:			
высшее			
1996 г.	20	11	47
2000 г.	26	10	46
среднее			
1996 г.	28	12	36
2000 г.	36	16	35
ниже среднего			
1996 г.	55	8	18
2000 г.	64	11	15

на советское прошлое и на западные образцы. Предпочтение нынешним порядкам высказывают более молодые и демократически настроенные.

Рассмотрим теперь распределение оценок переживаемого периода как "своего времени" за разные годы (табл. 7).

Получается, что доля определяющих текущее время как "свое" растет, притом за счет уменьшения доли затруднившихся ответить. По данным 2000 г., "время, в которое мы живем", считают "своим" 53% в 18-24 года, 46% в 25-39 лет, 32% в 40-54 года, 31% в возрасте 55 лет и старше.

Приведенные данные нуждаются, очевидно, в одном существенном комментарии. Дело в том, что с привлечением показателя "моего времени" мы переходим от социального времени, в координатах которого существует общественное мнение, к индивидуальному времени человека — молодого, взрослого, пожилого, преуспевающего или еле выживающего и т.д. Это последнее время всегда для человека "настоящее" в обоих смыслах ("сегодняшнее" и "реальное"), в нем расположены все практические и нравственные человеческие интересы, заботы, расчеты, даже самые дальние. Измеряется оно не календарными мерами, конечно, а масштабами связи человеческих дел, поколений. В эти рамки укладываются как "реальное" (индивидуальное, родовое) прошлое, так и "реальное" будущее. К собственной жизни нормальный человек относится всерьез независимо от того, насколько серьезно или насколько положительно он воспринимает общественные, социально-политические и прочие события, институты, персоны. В ситуации социальных катастроф и потрясений неизбежно возникает противопоставление индивидуального ("серьезного") и социального ("несерьезного") времен и соответствующих

Таблица 6
Политические предпочтения поклонников
"русских кумиров XX века"
(в % от общего числа опрошенных, указавших данную фамилию)

Русские кумиры XX века**	Какая политическая система лучше?		
	Советская	Нынешняя	Демократия западного типа
М.Булгаков	23	26	35
В.Высоцкий	44	13	31
Ю.Гагарин	50	11	26
М.Горбачев	32	16	35
Г.Жуков	54	11	22
В.Ленин	63	10	16
А.Сахаров	37	18	36
А.Солженицын	29	21	36
И.Сталин	63	6	18
Л.Толстой	36	13	39
В.Чапалаев	47	14	21
М.Шолохов	53	13	23

* Предлагалось указать три фамилии. Приводится только часть списка.

Таблица 1
Можете ли Вы сказать, что сейчас Ваше время?
(в % от общего числа опрошенных)

Вариант ответа	1993 г.	1999 г.	2000 г.
	Омн-1	Март	Январь
Это мое время	17	17	33
Мое время ушло	36	38	34
Мое время еще не пришло	18	21	23
Затрудняюсь ответить	30	24	10

нормативных структур. В частности, такой разрыв выражается в укоренившихся представлениях о неизбежности взаимного обмана, коррупции и пр.*

Что касается другой позиции приведенных выше табличных распределений — "демократии западного образца", то этот вариант многим кажется заметно более привлекательным, по сравнению с нынешней реальностью, особенно, как и следовало ожидать, для более молодых и более образованных. Но повышенная привлекательность в данном случае далеко не равнозначна ценностному, а тем более, практическому выбору. Слишком часто образ "Запада" оценивается в российском массовом сознании то как "зеленый виноград", непригодный для внутреннего потребления, то как "краса в чужом окошечке", то как прямая угроза. Эта тема часто рассматривается и в данном случае не является предметом обсуждения, поэтому ограничусь лишь одним замечанием. До последнего времени опросы обнаруживали явное преобладание предпочтений к "особому пути" и "особому порядку" (в смысле отличному как от советского, так и от западного образцов). Новейшая политическая струя — поиски западной поддержки или как минимум оправдания чеченской политики России — создает впечатление некоторого сближения с Западом, США, НАТО, и это не может не влиять на общественное мнение. Отсюда и определенный, впрочем, довольно неустойчивый сдвиг настроений (см., например, кривую отношения к США в 2002 г.), который требует осторожного к себе отношения и отдельного анализа.

* См.: Левада Ю. Человек в корруптивном пространстве // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 4.

**Возможно ли вернуться к тому,
что было при советской власти?**

(в % от общего числа опрошенных в каждом замере,
N=1600 человек)

Вариант ответа	1994 г.	2001 г.
	Июнь	Март
Да, скорее да	14	14
Нет, скорее нет	70	76
Нет ответа	16	10

Пока части нашего общественного мнения "западный" образец представляется наиболее вероятным для нашего дальнего будущего, другим — отрицательным ориентиром, от которого следует по возможности держаться в стороне — неясно, какой именно. В любом случае, статус самого "будущего времени" (не непосредственно ближайшего, а дальнего) представляется весьма неопределенным. Убогие мечтания о молочных реках в кисельных берегах (в партийной программе 1961 г. было обещано, что уже через 20 лет "богатства польются полным потоком"), вряд ли серьезно действовавшие на многих, забыты напроочь, новых не придумано. Идеалы "Будущего" (с большой буквы), как отмечалось выше, всегда были возводимы на пьедестал Иллюзиями Прошлого. В зрелых современных обществах, укоренных в разнообразии сложного настоящего времени, работает, видимо, категория "продленной современности". В бедном настоящем, скрывающемся под маской "переходности", этого нет.

"Статус" прошлого в современной ностальгии. Никакие распределения массовых предпочтений сами по себе не дают ответа на вопрос о реальных функциях, о значении таких предпочтений в данный момент, в данном обществе, при данном соотношении действующих в нем сил и факторов. Подойти к ответу можно лишь окольными путями.

События и ценности ушедших времен в той или иной форме "работают" в различных обществах (речь не идет о чисто исследовательских интересах и т.п.). Традиции, социально-исторические ритуалы действуют в исторической Англии, в постисторической Америке, в не имеющих собственной истории новых государствах. Социальная ностальгия, психологически значимое для множества людей отношение к ретроспективным ценностям, присутствует во всех подобных ситуациях. Болезненной она может становиться тогда, когда апелляция к исторической памяти (в не столь давнем отечественном прошлом — к "юбилеям") заменяет или подменяет теряющую свою действенность средства социальной консолидации, и даже опасной — когда во спасение существующих институтов, авторитетов, политических акций привлекаются не просто атрибуты памяти, а средства, инструменты прошедшей эпохи.

С некоторой долей условности правомерно выделить два типа ностальгических феноменов — соответственно, 'символ' и 'тень' прошлого. В первом случае речь идет собственно об апелляции к определенным узлам социальной памяти, которые наделяются специальным, например ритуальным, значением. Во втором — о восстановлении "в правах" отвергнутых ранее социальных институтов, нравов, порядков. Символическое наследие прошлого как бы переработано временем, лишено непосредственного (оперативного) влияния на текущую ситуацию, обеспечивая преемственность и связь времен на уровне культурных значений. Как известно, на площади перед британским парламентом стоят памятники О.Кромвелю и королю Карлу I, казненному в ходе революции XVII в., — история как история. Памятники царским особам, которые сооружаются в разных городах России, вполне можно отнести к ностальгическим символам прошлой истории, не задействованным в современных противостояниях и интригах. Иное дело — попытка вернуть на Лубянской площадь памятник Ф.Дзержинскому, который был снесен после провала "путча" 1991 г. Когда летом 2002 г. московский мэр выступил с таким предложением, эту идею одобрили 56% российских граждан. Доминирующее объяснение выглядит совершенно аполитично — необходимость сохранить память о прошлом. На деле в этой ситуации работала скорее "антипамять" — стремление забыть о роли всей "чрезвычайщины" в недавней истории страны.

А также о том всплеске демократических надежд, который был вызван событиями августа 1991 г. Вновь, как в скандальной полемике вокруг музыки национального гимна осенью 2000 г., аргументы демократов разбились о пьедестал — массовое беспамяетство; лишь интриги в верхах как будто затормозили эту затею. В обоих случаях речь шла не о символах, а скорее о *тенях* прошлого, используемых в определенных актуальных интересах.

Еще один предмет для подобного анализа — динамика оценок такого события XX в., как Октябрьская революция 1917 г. Как показывает недавний опрос (октябрь 2002 г.), за последние пять лет, с 1997 по 2002 г., доля сторонников стандартно советских оценок этого события ("новая эра", "стимул развития") возросла с 49 до 60%, а доля склонных к пессимистическим суждениям ("тормоз", "катастрофа") уменьшилась с 34 до 28%. Истоки наблюдаемого сдвига в настроениях понятны — дух времени, уводящий от старых, нередко искусственно раздутых конфронтации. Главная же проблема — значение перемен в распределении позиций. Судить об этом позволяют ответы на прожективный вопрос того же исследования: "Представьте себе, что Октябрьская революция происходит на Ваших глазах. Что бы Вы стали делать?" В такой воображаемой ситуации поддержка большевиков достигает 43% (в 1997 г. — 31%), противостояние им — 8% (было 7%), а стремление остаться в стороне (переехать, уехать за рубеж) — 44 (42%). Скорее всего, всю ситуацию можно определить как продолжающуюся борьбу за важный символ прошлого. Но признаков активной ностальгии, стремления "вернуться" не заметно.

Используя эти, сугубо предварительные, соображения, попробуем определить значение получаемых опросных данных.

По исследованию 2001 г., из тех, кто предпочел бы, чтобы "все оставалось так, как было до 1985 г.", 22% сочли возврат к советским порядкам возможным, 66% — невозможным. Из тех же, кто не жалеет о ситуации до перестройки, 3% полагают, что возврат возможен, 92% — невозможен (табл. 8).

Следующие данные показывают уровень поддержки возвращения к советскому строю за ряд лет (указана только доля *согласных с этим*):

Дата опроса	%
1994 г., февраль	15
1994 г., март	19
1994 г., июль	21
1995 г., март-апрель	11
1995 г., июль-август	13
1996 г., март	39
1998 г., апрель	23
1998 г., апрель	27
1998 г., декабрь	14
1999 г., апрель	20
1999 г., сентябрь	29
1999 г., декабрь	20
2000 г., апрель	18
2001 г., январь	22

Таким образом, при всех колебаниях настроений (самое очевидное — в марте 1996 г., когда было заметно преобладание электората Г.Зюганова в президентской гонке) возвращения прошлого желают немногим более одной пятой опрошенных, что примерно соответствует размеру электоральной поддержки компартии. Это значит, что массовую ностальгию по "положению до 1985 г." мы вправе характеризовать скорее как *символическую*, как выражение критического отношения к политике власти, но отнюдь не как стремление вернуть советское прошлое. Причем стоит отметить, что существенного влияния на уровень ностальгических настроений такого рода не оказали ни президентские выборы 1996 г., ни дефолт 1998 г., ни приход к власти в 2000 г. нынешнего президента. Следует, конечно, оговориться, что общественные настроения не определяют реальную возможность или невозможность какого бы то ни было перехода. Речь идет только о массовых предпочтениях.

Очевидно, что для общественного мнения при всех теплых воспоминаниях о стабильном и великом прошлом проблемы выбора между "старой" и нынешней общественными системами практически давно не существует. Открытым, и не только для общественного мнения, остается вопрос о реальном характере и тенденциях эволюции существующей системы. Здесь массовое сознание оказывается неуверенным, колеблющимся, склонным поддаваться давлению сверху, сочетающимся с "давлением" непродуманного, непреодоленного собственного прошлого.

За последние два-три года обозначилась явная тенденция к использованию в интересах властной "вертикали" характерных для советского периода инструментальных механизмов. В этом ряду не только уже упомянутые механизмы символического происхождения, но и "ползучая" реставрация политической цензуры, возвышение силовых структур и спецслужб и пр. Практически все такие шаги и намерения встречали одобрение со стороны большинства населения. Здесь перед нами не ностальгия по прошлому и не "реставрация" его по полной программе, а иное явление, которое можно представить как *реанимацию "теней" прошлого или его сохранившейся инфраструктуры* для решения задач, с которыми властные институты неспособны справиться иными средствами. К скрытой, "теневой" инфраструктуре прошлого можно отнести, видимо, не только неприкосновенные силовые инструменты власти, но и привычные установочки общественного сознания, которое, особенно в напряженной обстановке, под воздействием силового поля власти и зависимых от нее масс-медиа готово принять привычный, авторитарный стиль политической жизни и даже счесть его демократическим. Инициатива, однако, исходит не снизу, не от массового сознания, а от властной команды и претендентов на ее благосклонность.

Позволю себе одно — все же далекое, но исторически оправданное — сравнение. В конце 30-х — начале 50-х годов прошлого века сталинский режим, не собираясь реставрировать самодержавную монархию, укреплял личную диктатуру вождя восстановлением чиновничьей и военной иерархии, мундиров, табели рангов, политического культа, каторги, пыток, виселиц и т.п. атрибутов "тени" предреволюционного российского прошлого. Не место сейчас обсуждать, насколько эффективными или избыточными были или могут быть подобные "ностальгизмы", речь идет лишь о конфигурации соответствующих феноменов.

В любом случае обращение к "теням" прошлых эпох — признак болезненной нестабильности, неуверенности со-

временных регулятивных структур общества. (К подобным ситуациям приложим известный совет "вспоминайте жену Лотову"* ...)

Вместо заключения: о смысле ностальгизма наших дней. Как мы видели, общественное мнение России пронизано ностальгией преимущественно символической. Желания возвращаться к прошлому немного, а средств для этого у него вовсе нет. Но общественное мнение, даже если бы оно было активным и организованным — до чего ему сейчас бесконечно далеко, — неспособно само совершать повороты исторических масштабов, в лучшем случае они могут фиксироваться в распределении мнений. Стремление использовать отработанные социально-политические инструменты старого образца (на новой коммуникативной базе) наблюдается прежде всего в правящей элите и в ее рекламно-"технологической" службе. При все менее восторженной, но заметной поддержке большинства, в том числе из вчерашней интеллигентской и демократической среды. И при весьма слабом сопротивлении небольшой части этой последней группы. А также неприятии со стороны старой по возрасту и происхождению коммунистической оппозиции; последнее обстоятельство также нельзя не учитывать. Даже все эти тенденции, вместе взятые, не способны "вернуть" страну в исходную точку перемен. Но на сегодняшний и завтрашний облик общества они влияют очень серьезно.

Понятный, доходящий до паники, нынешний массовый страх перед публичными потрясениями и переворотами любого направления побуждает общественное мнение принимать как должное плоды подковерных интриг и "ползучие" сдвиги в политическом стиле и средствах деятельности властей.

Определенную часть более просвещенного слоя, вчерашних демократов все еще околдовывают давно опровергнутые историческим опытом формулы экономического (или, на более современный лад, глобально-экономического) детерминизма, побуждающие к утешительным суждениям типа: "Пусть оглядываясь назад, через грязь, кровь и коррупцию, но идем вперед, растаем в мировую экономику и пр." Примерно в том же направлении по-прежнему работает в массовом сознании давняя дихотомия, которая относилась к "демократии" все и вся, противостоявшее партийно-советскому режиму, а ныне сохраняет демократические метки на режиме, от реальной демократии весьма далеко. За фальшивые формулы приходится дорого и долго платить всем.

Возвращаясь к проблематике, затронутой в предыдущей статье**, следует повторить основной тезис: история не носит "линейного" характера, ее вариации не могут поэтому измеряться показателями "вперед", "назад", "отстать", "догнать" и т.п. Никакие "рыночные" преобразования, даже если бы они происходили достаточно последовательно и быстро, не могут поставить Россию в один ряд со странами, прошедшими иной путь в иных условиях. Реальное место страны в "глобальном" социальном пространстве в прошлом, сейчас, в сколь угодно далеком будущем зависит и от способа освоения ("переваривания") ею чужого опыта, — и собственного, непреодоленного прошлого со всеми его нынешними реинициациями.

* Лук. XVIII. 31, 32.

** См.: Левада Ю. Отложенный Армагеддон? // Мониторинг общественного мнения... 2002. № 5.